

позиции авторов, относительно ряда дискуссионных проблем удэгейской грамматики (таких как вопрос о составе временной парадигмы удэгейского глагола). Так, специально не оговаривается, что принимается точка зрения О.П. Суника, определяющего формы типа *би-э* (чаще употребляемые как инфинитив при отрицательном глаголе) как формы глагола в 3-м лице настоящего времени (ср. квалификацию этих форм как "активного причастия" у Е.Р. Шнейдера). В еще большей степени требует комментария (и обоснования) использование нетрадиционных терминов, например, квалификация глагольного прошедшего (употребляющегося со значением засвидетельствованности либо эмфазы) как "давнопрошедшего".

Из более общих претензий к рецензируемой работе отмечу неоправданное, на мой взгляд, расширение словаря за счет избыточного иллюстративного материала. Притом, что наличие информации о сочетательных свойствах лексем представляет собой несомненное достоинство данного словаря и отвечает духу современной лексикографической практики (ср. словари сочетаемости, валентностей и т.д.), он также включает информацию, которую в силу регулярности и предсказуемости следовало бы рассмотреть в соответствующих разделах грамматики (это, впрочем, признают и сами авторы, рассматривающие свой словарь как задел для дальнейших грамматических исследований, см. с. 36). Особенно это бросается в глаза применительно к "именным" словарным статьям, где приводятся примеры на употребление имен в различных (иногда всех!) падежных формах, даже если соответствующие употребления не содержат ничего идиоматического ни в формальном, ни в семантическом отношении. Представляется, что при переиздании словаря (напомним, что данная публикация

это препринт), его следует сопроводить "Кратким грамматическим очерком", описывающим наиболее регулярные аспекты грамматики (основные значения падежей и т.д.), что позволит существенно "разгрузить" основную часть словаря.

Несмотря на указанные недостатки, УС представляет собой существенный вклад в тунгусоведение, значение которого трудно переоценить, учитывая то, что удэгейский язык находится под угрозой исчезновения (согласно данным переписи населения 1989 г. число удэгейцев, говорящих на родном языке, составляет около 500 человек, однако специалисты считают эти данные завышенными). Тем более обидно видеть в УС (с. 9–10) ссылки на то, что неравномерность словарного описания обусловлена нехваткой средств на продолжение экспедиционных работ. Это лишний раз напоминает о том, что в настоящее время в угрожающем положении в России находятся не только языки малых народов Севера, но и североведение в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кормушин И.В.* 1998 – Удэгейский язык. М., Наука, 1998.
 ССТМЯ 1975–1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975, 1977.
Суник О.П. 1968 – Удэгейский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968.
Шнейдер Е.Р. 1936 – Краткий удэгейско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.: Л., 1936.
 ФУНТЕ 1998 – Фольклор удэгейцев: нима-нку тэлунгу хэ / Составители Е.П. Лебедева, М.М. Хасанова, М.Д. Симонов и др. Новосибирск, 1998.

А.Л. Мальчуков

М.В. Иванова. Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. 230 с.

Вечный вопрос истории русской культуры, связанный с проблемой происхождения, развития и культурной ценности русского литературного языка, постоянно возвращает исследовательскую мысль к средневековым русским источникам, к поискам новых методик их описания и теоретическим основаниям, с помощью которых мы могли бы постичь суть происходивших некогда изме-

нений. Тут не может быть двух мнений, каждая серьезная работа на такую тему вносит важные дополнения, а то и существенные уточнения в изучение основных проблем, связанных с формированием **национального русского языка в связи с развитием русской культуры** (не столь давно мы говорили "связанных с развитием народа").

Нелишне напомнить, что развитие этого языка прошло несколько преобразующих его содержательную суть моментов, из которых важнейшими были:

– дифференциация семантических средств народно-разговорного языка, из природного синкретизма речевых формул приведшая к созданию гибкой и многокрасочной системы выразительных средств художественной речи;

– на столкновении высокого (сакрального) и низкого (обиходного) литературных жанров создавался нейтрально-средний – жанр **жития**, в границах которого постепенно набирал силу стиль русской "культурной" речи, впоследствии нормированный как основной стиль литературного языка;

– первоначальное совпадение признаков сакрального жанра, высокого стиля и абстрактной семантики в противопоставлении бытовому жанру, низкому стилю и конкретным значениям слов в творческой практике средневековых писателей постепенно дифференцировались в пределах своей функции, к концу XVIII века приведя к созданию строгой системы соответствий по функции (жанров), по стилям и по нормам, т.е. создав **современный русский литературный язык**.

Новизна рецензируемой книги заключается в том, что в ней на широком и представительном, одинаково и доказательном, и достоверном материале, не раз испытанными исследовательскими приемами как бы рассекаются по составляющим, развязываются самые ранние сплетения этих жанрово-семантико-стилистических совмещений и на удачно избранном предмете описания делается попытка реконструкции объекта исследования. Диагностирующие процесс различительные признаки языка старорусской литературы, органически развивавшиеся на национальной основе, автору удалось представить как естественный процесс движения семантики и форм в границах наиболее свободного по творческим потенциям средневекового жанра (развившегося впоследствии в "русский роман"). Разнообразие "словесного ряда" (своего рода синонимии) здесь тесно связано с многообразием описываемого в текстах "предметного ряда" референтов. При изучении истории литературного языка ограничение материала конкретным жанром, и уж тем более отдельными писателями (редкий случай) является гарантией адекватности в описании стилистических норм его языка. Важен вывод о том, что «предметный ряд не только обрек язык Первой редакции Жития

Михаила Клопского на "простословие", но и сориентировал его на разговорный язык конца XV века» (с. 192). "Предметный ряд" да и как реальность описания, и тем самым "словесный ряд" в пределах каждого фрагмента текста задан как форма такого описания. То же относится и к другим текстам, описанным в монографии. Речь идет о важном процессе соотношения высокой "идеи" с низменной в ее конкретности "вещью" – основном художественном процессе XV века, процессе **идеации**. Для его описания в работе представлено множество новых, малоизвестных, просто "свежих" фактов. Житийный жанр как жанр "анфиладного типа" (термин Д.С. Лихачева) накапливал различную лексику общего значения, т.е. представлял книжным людям лексико-семантические варианты слова как инварианта текста: тут оказывался важным общий смысл текста, а не конкретные значения отдельных слов, воспринимавшихся еще в границах общего целого – текста, жанра или, быть может, отдельной речевой формулой традиционного типа. Это важный момент в развитии многозначности слова и (обратным образом) синонимии; и многозначность, и синонимия впоследствии стали важным признаком русской художественной речи. Автор описывает точку формального расхождения лексем при отсутствии (неразвитости) семантического расхождения, когда различные варианты исполняют чисто стилистическую функцию; стилистическое разнообразие форм еще только "сгущается" в семантические узлы нормы. Становится оправданной мотивация исследования, прежде всего в совмещении грамматического и лексического описания текста как стиля. "История русского языка (грамматики)" и "история русского литературного языка" в этом случае не подменяют друг друга, а служат материальной основой общего исследования текста. Формально грамматические вариации слова не дробят семантического поля текста.

Особая ценность исследования в том, что здесь рассмотрены не усредненно безличные, но авторские тексты, и на сравнении различных редакций одного и того же произведения оказывается возможным проследить поиски новых выразительных средств языка, связанные с именами реформаторов старорусского стиля, прежде всего – Епифания Премудрого. Атрибуция текстов Епифания, особенно текста "Жития Сергия Радонежского", – важный вопрос лингвистической герменевтики сегодня, и только на лингвистической основе он может

быть решен положительно. Сравнение текстов Епифания с текстами Пахомия всегда было увлекательной задачей медиевистики. В книге основательно, исчерпывающим списком, дано около пятидесяти диагностирующих развитие языка категорий и различий в стиле – в отношении к категориальному инварианту авторского текста (23 морфологических, 14 синтаксических, 10–12 лексических и словообразовательных групп); правда, они не всегда соотнесены со всеми текстами сплошь (например, в "Житии Сергия Радонежского" не даны морфологические особенности текста; может быть, потому, что таковые уже тщательно описаны предшественниками).

Особенно выразительны синтаксические особенности. Это – отсутствие сложных синтаксических построений, анафорический принцип сочинительных связей, увеличение конструкций, "близких к живой речи", "разнообразии типов придаточных" (с. 23) (причем такие "типы" выделяются скорее по смыслу при многозначности церковнославянских союзов и союзных слов), особенно безличных конструкций (тоже типично русская черта текстов), частое употребление *Praesens historicum* – "эффект псевдоактуальности" (с. 103), что, конечно, справедливо, поскольку в том же предложении обычно присутствует указание на прошлое действие (лексически или наречием) – опять-таки проблемы стилистического синтаксиса, как и употребление архаических "второго именительного", "дательного самостоятельного", оборотов с одним отрицанием, с причастием в роли сказуемого и т.д. – все это текстовые признаки высокого стиля у Епифания и Пахомия.

Из морфологических изменений в работе прослеживаются динамические в XV в. причастия, нестяженные формы прилагательных и имперфекта: имена в этих текстах не подвергаются унификации, потому что стилистическое задание требует вариаций форм, и они сохраняются не потому, что одинаково актуальны в языке (ошибка историка языка, не принимающего во внимание стилистический ранг текста), а по причине авторской установки – одинаково и у Епифания, и у Пахомия (хотя у последнего появляются и новые формы типа *въ вертъпахъ*). Тексты Епифания кажутся более архаичными; например, формы двойственного числа сохраняются во всех позициях как у имен, так и у глаголов (с. 42), тогда как у Пахомия эта категория несомненно разрушена (примеры на с. 111–112). Заметны различия в употреблении гла-

гольных форм. Перфекты редки у Епифания, но они употребляются в соответствии с правилами последовательности времени и сохраняют различия в связке; перфектные формы чаще встречаются у Пахомия, который уже не учитывает правил согласования времен в тексте (в дискурсе) и смешивает сами формы (перфект иногда в значении будущего времени, с. 120; много гиперизмов типа *бъаает бльше, безмолвствуют бльше* – не нарочитая архаизация морфологизмов (с. 125), а скорее стилистический прием "актуализации постоянного действия" – "бывало"). В противоположность этим двум авторам, в текстах о Михаиле Клопском как основная глагольная форма прошедшего времени уже несомненно перфект без связки, аорист употребляется в неверных формах. Разностильность жанра жития демонстрирует "неустойчивое, переходное состояние от ранней древнерусской системы глагольных времен" (с. 122).

Необходимо подчеркнуть особый исследовательский прием нашего автора. Перед нами обычный сегодня жанр публикации по теме докторской диссертации (как еще может выйти на широкую публику русист, да еще с традиционной темой?). Сопоставление двух текстов показывает, что один и тот же материал в совпадающих выводах изложен параллельно дважды – в диссертационном тексте и в монографии. В монографии о б ъ е к т о м исследования, конечной ц е л ь ю его является **язык как стиль** (воссоздается "образ эпохи"); в диссертации таким объектом является **текст как жанр** (воссоздается "образ автора"), представая, собственно, предметом стилистики, поскольку "каждый текст имеет свой код", – замечает автор, а жанр – самая устойчивая категория средневекового литературного процесса. Перед нами чисто русский (уже в древнерусской литературе представленный) прием удвоения сущности и явления, данных в параллельном ряду; адекватность метода исследования его предмету помогает понять глубинные процессы, происходившие в языке данного периода. Тот же метод помогает верно оценить значение так называемого "второго южнославянского влияния", ограничив последний чисто поверхностными признаками **оформления** рукописей, но не влиянием на язык, речь или стиль. Это также важный результат данного исследования, дающий аргументы в пользу точки зрения, согласно которой развитие русского литературного языка проходило свой собственный, органически закономерный путь.

В "Заключении" автор соединяет обе линии своего исследования (с. 202 и след.), обсуждая проблему языка и жанра в их совместном развитии.

Не вдаваясь в детали, отметим основные теоретические положения, изложенные в книге М.В. Ивановой. Первоначально сформулированные как задачи исследования, они выстраивают перспективу последующих понятий и определений, с помощью которых автор обсуждает свой материал в контексте категорий "язык", "стиль" и "жанр" (план рефлексии) и ретроспективу происходивших в средневековых текстах изменений (план реальных фактов).

По мнению автора, "любая часть речи формируется через уплотнение, через синтаксис" (с. 31), поэтому принципы построения текста в центре внимания исследователя средневековых жанров. Так и здесь, функции и стилю придается больше значения, чем развитию семантики грамматических категорий. Методически это также правильное решение: редукция "задач" до узко очерченной "цели" дает ощутимые исследовательские результаты. Такой подход позволяет показать организацию текста, "при которой слова, относящиеся к определенной тематической или лексико-семантической группе, располагаются в пределах одного фрагмента" (с. 54), т.е. представляет известную формульность текста, с которой и с ним а е т с я затем "парадигма языка". Хорошо показана специфика XV в.: в отличие, например, от текстов XII в., в которых каждая словоформа в составе формулы имела свое конкретное, но единственное значение, у Епифания представлен формульный текст, общий смысл которого организуется за счет близкозначных слов. Это и есть момент перехода текста и его компонентов в новое качество на пути создания национального литературного языка.

Жанр сгущается в стиль, чтобы создать норму.

В работе справедливо разграничивается стиль "извития словес" и "торжественно-украшающий стиль", характерный для древнерусской литературы. Это начисто разрушает представление о "южнославянском влиянии", еще раз подчеркивая качественное своеобразие стиля "словесной сытости" как вполне литературного стиля, а не традиционного риторического приема предшествующей поры. Справедливы замечания М.В. Ивановой о необходимости логически точных определений самого термина "южнославянское влияние" с тенденцией "к моносемичности в своем терминологиче-

ском поле" (с. 198 – проблема "словесного ряда"), исходя из требований системности, регулярности и обязательности используемых этим термином СРЕДСТВ ("предметный ряд"). Ничего этого защитники "влияния" пока не представили.

"Риторический стиль мышления" преобразуется в стиль "логический". Слово-символ эпохи Средневековья развивается в слово-гипероним Нового времени. Автор справедливо говорит о развитии "лексики общего значения" на фоне авторских предпочтений; только в "Житии Стефана Пермского" употреблено более 250 слов, либо вообще более не встреченных в других текстах того же времени, либо использованных в другом значении (с. 56).

Подчеркнута роль и значение "бытийственного" глагола *быти*, идеологически важного глагола не только для древнерусского языка и текста, но вообще для русской ментальности (и философии). Это, конечно, не "следы влияния греческого языка", потому что даже в "избыточном употреблении" формы этого глагола строго различаются, несмотря на их преобразования в разговорном языке. Напомним, что и позже, например, в момент "иконовой sprawy" споры о том, *Богъ былъ*, *Богъ бъяше* или *Богъ бысть* создавали многие сложности в идеологическом и политическом существовании.

Показано также, что сопряжение в общем тексте форм и формул различного происхождения создало возможности для выбора наличных ресурсов языка, в результате чего и возникает в нашей литературе долгожданный "голос автора". Тонкие различия, отмеченные М.В. Ивановой в стилях Епифания и Пахомия, помогут в дальнейшем разработке этой сложной материи, до сих пор не поддававшейся исследовательскому анализу. Чего стоит, например, одно лишь то, что у Елифания авторские ремарки формальны, автор как бы находится еще в потоке своего текста, а у Пахомия авторские ремарки даны более выпукло, как бы отчуждают его точку зрения от описываемого – он вознесен над своим текстом, не живет в нем. Возможно, это впечатление создается потому, что Пахомий и не создавал своих оригинальных текстов, а только перерабатывал чужие. Тогда возникает проблема противопоставления творчески нового текста художественно "отделанному тексту" – а это ставит еще одну группу невероятно сложных проблем. Например, у Пахомия совершенно иная модальность повествования, чем у Елифания, который,

наоборот во множестве использует различные конструкции; Пахомий их избегает, зато у него часто употребляется сочетание *бльше* + инфинитив, а в значении подчинительных союзов используются церковнославянские сочинительные, и т.д. Заслуга автора, несомненно, и в том, что он подводит нас к новым направлениям в данной области исторического знания. Решая проблемы, автор ставит новые вопросы на будущее.

Подробно рассмотрен словарь изученных "Житий". Он достаточно велик. В "Житии Стефана Пермского" около 4500 слов на 31 тысячу словоупотреблений, распределенных по 30 тематическим группам. Для средневековых текстов это исключительный пример, особенно, если учесть обилие галаксов и окказиональных значений, как бы впаянных в формулу авторского текста. Для Епифания характерна чисто русская особенность построения текста: "глагольная его основа" (не эпитет, не имя в центре повествования, а именно глагол, образно показывающий новый признак в его развитии).

Текст книги изложен хорошим русским языком, от которого мы уже отвыкаем в филологических студиях, он не содержит каких-либо лишних, посторонних и вообще чисто внешних особенностей изложения, стиля или терминологии: содержание книги гармонично согласуется с ее формой. Прозрачность описания иногда создает иллюзию легкости, с которой мог быть написан текст. Однако стоящий за этим текстом обильный материал и умелый его анализ снимают такое представление у всякого, кто сам когда-либо погружался в бесконечную вязь средневекового текста во всех его бесчисленных вариациях, на первый взгляд – не

поддающихся какой-либо классификации или какому-то осмыслению. Этой своей особенностью книга станет хорошим пособием по изучению языка средневековых житийных текстов.

Замечаний по тексту не очень много. Есть кое-какие упущения по библиографии: изложение материала временами кажется избыточным: М.В. Иванова как бы любителю собранными фактами, пытаясь донести до читателя свое восхищение старым текстом (но, может быть, и убедить в справедливости сделанных выводов). К числу замечаний необязательного характера можно отнести следующее: морфологические особенности текстов описываются только со стороны формы (например, в а р и а ц и и флексии *-ть* или *-тъ*), хотя в текстах заметны и некоторые категориальные изменения (в категориях рода и числа).

Вот, пожалуй, и все, что мог бы сказать рецензент, не навязывая автору своего собственного видения материала, проблем и результатов исследования.

В заключение хочется выразить удовлетворение в связи с тем, что молодые русисты возвращают в русскую филологию жанр основательного исследования. После многих лет разбирательства о том, кто и в чем именно сделал больше и лучше, после различных квазитеретических измышлений, не обоснованных фактами, такого рода исследования воспринимаются как свежий глоток, как надежда на то, что плодотворная линия классической русистики будет продолжена на новых теоретических и методологических основаниях.

В.В. Колесов

Язык и речевая деятельность / Гл. ред. В.В. Касевич. Санкт-Петербург, Т. 1 – 1998, Т. 2 – 1998. Изд-во Санкт-Петербургского Университета. 248 с. + 362 с.

Новый ежегодный журнал "Язык и речевая деятельность" задуман как издание Петербургского лингвистического общества, столь же нового, как и сам рецензируемый журнал. Журнал печатает статьи по теоретической фонетике и фонологии, по типологии, по философии языка, по когнитивной лингвистике, по проблеме соотношения языка и культуры и др. Название журнала – "Язык и речевая деятельность" – выбрано не случайно. Из него следует, что Редколлегия видит журнал ориентированным главным образом на теоретическое

изучение языка в его функционировании. Но есть и признание того, что язык, существующий прежде всего для обеспечения коммуникации, сохраняет известную автономность как объект исследования – и с точки зрения внутренней логики своего устройства, и в плане соотношения с иными когнитивными и культурными структурами. Как указывает Редколлегия в своем Предисловии к первому номеру журнала (1998), последний по времени публикации однотомник трудов Л.В. Щербы был назван его редакторами "Языковая система и речевая